
Вопросы теории и истории государства и права

Научная статья

Научная специальность

5.1.1 «Теоретико-исторические науки»

УДК 340.1

DOI <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2025.4.3>

ДИАЛЕКТИКА НАКАЗАНИЯ: ОТ ВОЗДАЯНИЯ К ПРАВОВОЙ НЕОБХОДИМОСТИ

© Альбов А. П., 2025

Российская государственная академия интеллектуальной собственности, г. Москва, Россия

Анализируется антиномия теории наказания: соотношение между принципами справедливого возмездия (ретрибутивизм) и общественной пользы (утилитаризм). Подчеркивается, что актуальность темы определена как ее теоретической значимостью, так и практическими вызовами, стоящими перед современной правовой политикой, которая балансирует между популистским требованием суворости и научно обоснованными целями ресоциализации. Реконструируется генеалогия проблемы наказания, показывается ее внутренняя противоречивость. Рассматриваются архаичный принцип талиона, где возмездие носило сакральный характер, и гуманистический поворот эпохи Просвещения, сместивший акцент на превентивную (предупредительную) функцию. Отмечено, что последующее неокантианское возрождение ретрибутивизма, утверждавшего наказание как моральный долг, лишь закрепило этот фундаментальный дуализм между справедливостью и целесообразностью. Определено, что выход из данного противоречия предлагает гегелевская концепция, где наказание рассматривается как диалектическое «снятие» преступления. В опоре на этот подход выдвигается и обосновывается концепция «восстановительного правосудия». Установлено, что это не механический компромисс, а подлинный синтез, в рамках которого эффективная система юстиции преодолевает ложный выбор между прошлым (искуплением вины) и будущим (предупреждением преступлений). Сделан вывод о том, что в такой модели соразмерность наказания деянию одновременно легитимирует превентивное воздействие, а социальная реинтеграция осужденного не вступает в конфликт с идеей справедливого воздаяния. Отмечается общеправовая природа данного явления, его социально-философские основания определяются через важнейшие характеристики, включая идею, цель, функции и место в системе близких правовых категорий. Применен системно-механистический, отвечающий сути диалектики подход, позволяющий добиться должного качества практико-организационной составляющей исследования.

Ключевые слова: наказание, ретрибутивизм, утилитаризм, справедливость, социальная польза, талион, философия права.

DIALECTICS OF PUNISHMENT: FROM RETRIBUTION TO LEGAL NECESSITY

© Albov A. P., 2025

Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russian Federation

The presented work analyzes the antinomy of the theory of punishment: the relationship between the principles of fair retribution (retributivism) and social benefit (utilitarianism). The relevance of the topic is determined both by its theoretical significance and by the practical challenges facing contemporary legal policy, which balances between the populist demand for severity and scientifically based goals of resocialization. The article reconstructs the genealogy of the problem of punishment, demonstrating its internal contradictions. The analysis begins with the archaic principle of talion, where retribution was sacred, and moves on to the humanistic turn of the Enlightenment, which shifted the emphasis to a preventive (preventive) function. The subsequent neo-Kantian revival of retributivism, which affirmed punishment as a moral duty, only reinforced this fundamental dualism between justice and expediency. Hegel's conception offers a way out of this contradiction, viewing punishment as the dialectical "sublation" of crime. Based on this approach, the concept of "restorative justice" is put forward and substantiated. This is not a mechanical compromise, but a genuine synthesis in which an effective justice system overcomes the false choice between the past (atonement) and the future (crime prevention). In this model, the proportionality of punishment to the offense simultaneously legitimizes preventive action, and the social reintegration of the convicted person does not conflict

with the idea of just retribution. Appealing to the essence of punishment, the author notes the general legal nature of this phenomenon and defines its socio-philosophical foundations through key characteristics, including its concept, purpose, functions, and place within the system of related legal categories. The applied systemic-mechanistic approach, consistent with the essence of dialectics, allowed for the attainment of the required quality of the practical and organizational component of the study.

Keywords: punishment, retributivism, utilitarianism, justice, social benefit, talion, philosophy of law.

Введение

Противоречие между архаичной идеей воздаяния и современными утилитарными целями наказания отражает диалектическое развитие как самого понятия «наказание», так и его воплощения в правовом институте санкций. Исторически наказание рассматривалось через призму талиона и возмездия, где страдание нарушителя норм воспринималось как естественное восстановление попранной справедливости – в этом аспекте оно было самоценно и не зависело от практических последствий, т. е. выступало как моральный долг общества перед нарушенным правопорядком. Со временем концепция наказания, развитая в трудах Ч. Беккариа и И. Бентама, переносит центр внимания на социальную полезность таких моментов, как предупреждение правонарушений, исправление правонарушителя, защита общества от негативного воздействия, таким образом, наказание превращается в инструмент достижения конкретных социальных целей, которые направлены на получение определенных социальных результатов [7, с. 162–166].

Конфликт этих подходов создает некую сложность в теории и на практике, так как утилитарная модель, отличаясь рациональностью, не всегда удовлетворяет чувству справедливости, требующему соразмерного воздаяния за содеянное. Вместе с тем чистый ретибутивизм нередко игнорирует вопросы эффективности наказания и социальной реинтеграции правонарушителя. Эта дилемма несет в себе риск дегуманизации, так как ретибутивная модель сводит человека к объекту возмездия. В свою очередь, утилитарная модель рискует превратить лицо в средство социальной инженерии, игнорируя моральную автономию личности, на значении которой настаивал И. Кант в своем труде «Критика практического разума» [17, с. 55, 62, 189]. Современной теории права необходимо разработать сбалансированный подход, который, с одной стороны, сохранил бы принцип справедливого воздаяния, а с другой – одновременно учитывал бы практические цели наказания и уважение к достоинству личности. Такой синтез требует преодоления упрощенного противопоставления

справедливости и полезности в пользу более глубокого понимания их взаимосвязи в системе правового регулирования.

Гипотеза исследования заключается в следующем: эволюция института наказания представляет собой не последовательную смену парадигм (от возмездия к пользе), а процесс их диалектического синтеза. Этот синтез позволяет сохранить ценность справедливого воздаяния, интегрировав его в механизм инструментальной эффективности наказания.

Материалы и методы

Методологической основой исследования является сравнительный анализ философско-правовых источников, направленный на выявление эволюции концептуальных основ наказания. Теоретической базой послужили материалы трудов классиков уголовного права и философии, включая работы Ч. Беккариа, И. Бентама, И. Канта. Диалектический метод позволяет рассмотреть развитие идей о наказании через разрешение ключевого противоречия. В рамках нашего исследования тезисом выступает ретибутивная доктрина (наказание как воздаяние); антитезисом – утилитарный подход (наказание как польза); синтез же обнаруживается в современных концепциях, которые стремятся интегрировать оба принципа на новом, более высоком уровне. Наряду с диалектическим, в работе применяется комплексный подход. Исторический метод позволил проследить эволюцию взглядов на наказание, а компаративный анализ – сопоставить ретибутивную и утилитарную парадигмы. Системный анализ использовался для рассмотрения наказания как элемента правовой системы, в то время как логико-дедуктивный метод обеспечил построение последовательной аргументации.

Результаты исследования и их обсуждение

В древнейших правовых системах наказание было формой сакрального воздаяния. Принцип талиона, закрепленный как в Законах Хаммурапи («Если человек выбьет зуб человека, равного себе, то должно выбить его зуб»), так и в Ветхом Завете (Исх. 21:23–25), устанавливал

символическое равновесие между преступлением и карой. Формула «око за око» являлась не столько призывом к жестокости, сколько первой попыткой ограничить бесконтрольную кровную месть через установление эквивалентности воздаяния. Однако практическая несостоятельность буквального применения этого принципа привела к его переосмыслению. Физическое возмездие стало заменяться системой денежных компенсаций. Этот переход сохранял идею соразмерности, но смещал акцент с символического акта мести на прагматическое восстановление нарушенного блага.

Античная философия привнесла рациональное осмысление наказания. Платон в «Законах» видел в наказании инструмент оздоровления полиса, выделяя несколько его целей: исправление самого преступника, удержание других от подобных деяний и в крайнем случае избавление общества от неисправимых членов [18].

Аристотель в «Никомаховой этике» обосновал наказание через категорию справедливости, понимая ее как восстановление нарушенного равновесия [2, с. 81, 289, 309, 578, 613]. Дальнейшее развитие гуманистической мысли нашло выражение в христианском учении, которое представило радикальный антитезис талиону – принцип ненасилия и прощения. Этот поворот был обусловлен осознанием того, что система возмездия, даже в смягченной форме компенсаций, воспроизводит логику ответного вреда и не прерывает цепь насилия.

Христианское учение предложило качественно новый подход, основанный на преодолении самой психологии возмездия через акт нравственного самоограничения. Принцип «не суди, да не судим будешь» выражает не только отказ от формального осуждения, но и акт прощения [6, с. 64, 181, 197, 532].

В Средневековье происходит синтез античных и библейских представлений о наказании, где правовые нормы оказываются неразрывно связаны с теологическими доктринаами. Этот период не просто добавил религиозное измерение к уже существующим концепциям талиона, но и качественно преобразовал само понимание сущности и цели наказания, выстроив сложную метафизическую вертикаль юридической ответственности [15, с. 208–210].

Ключевую роль в этом процессе сыграл Августин Блаженный, который сместил фокус с земного на трансцендентное возмездие. В его учении наказание перестало быть просто социальным актом восстановления справедли-

вости, а превратилось в элемент Божественной экономии спасения [1]. Понимая человеческую греховность как онтологическую основу преступления, Августин развивает учение, в котором кара становилась необходимым средством искупления – не только перед обществом, но прежде всего перед Богом. Такой подход углублял раннехристианское учение, поскольку целью наказания становилось уже не столько причинение эквивалентного страдания, сколько духовное очищение преступника и восстановление нарушенного им космического порядка. Земное правосудие в такой системе приобретало статус инструмента реализации высшей, Божественной справедливости, что придавало наказанию сакральное измерение [20].

Следующий этап в развитии средневековой мысли о наказании связан с Фомой Аквинским, который соединил теологию Августина и рационализм Аристотеля. Необходимость такого синтеза обусловлена усложнением социальных отношений в растущих городах и формированием новых государств, которым требовалось рациональное осмысление и обоснование власти и закона [3, с. 65–68, 88, 288].

В Средневековье происходит синтез античных и библейских представлений о наказании, где правовые нормы оказываются неразрывно связаны с теологическими доктринаами. Этот период не просто добавил религиозное измерение к наказанию, но и изменил его сущность, выстроив сложную метафизическую вертикаль юридической ответственности [19]. Томистский синтез не просто дополнил представления о наказании, но отчасти изменил их, создав фундамент для последующего развития европейской правовой мысли. В концепции Фомы божественное происхождение справедливости не отменяло, а, напротив, легитимировало рациональные человеческие усилия по установлению соразмерного и справедливого наказания [12, с. 74–76]. Наказание зачастую было публичным зрелищем: казнь преступника демонстрировала всему народу силу и власть государя. Религия при этом служила оправданием – казалось, что власть наказывает преступника по велению Бога. Постепенно смысл наказания менялся: оно становилось не столько искуплением греха, сколько инструментом политического контроля, способом запугать население.

Таким образом, средневековая диалектика наказания предложила многоуровневую концепцию, которая впоследствии стала отправной

точкой для дальнейшей секуляризации правовой мысли в эпоху Просвещения [8].

Рационализм и гуманизм XVII–XVIII вв. привели к пересмотру целей и оснований наказания. Произошел разрыв со средневековой традицией, где право было неотделимо от теологии. В процессе секуляризации целостное морально-правовое понимание справедливости распалось. На его месте возникли два конкурирующих и уже чисто светских принципа: справедливость как возмездие и справедливость как общественная польза [10, с. 199, 285, 455, 517–518, 529].

Ключевой фигурой этого переворота стал Ч. Беккариа. В своем трактате «О преступлениях и наказаниях» он подверг критике как архаичную жестокость, так и теологическое обоснование кары. Для него, как и для других утилитаристов, таких как И. Бентам, наказание полностью лишается сакрального смысла воздаяния. Оно перестает быть самоцелью и превращается исключительно в инструмент, который должен быть оценен с точки зрения его полезности для общества [4, с. 89–92].

И. Бентам развел утилитаристский подход, рассматривая наказание как необходимое зло, оправданное только тогда, когда оно предотвращает большее зло. Его концепция «паноптикона» стала моделью рационального контроля, где постоянное наблюдение должно было способствовать исправлению правонарушителя [5, с. 220–221, 250–251, 254–258].

Кантианская философия стала антитезисом этому утилитарному подходу. И. Кант стремился восстановить моральное измерение права, которое, по его мнению, утилитаризм полностью игнорировал: «Наказание лишь потому должно налагать на преступника, что он совершил преступление; ведь с человеком никогда нельзя обращаться лишь как со средством достижения цели другого [лица] и нельзя смешивать его с предметами вещного права, против чего его защищает его прирожденная личность, хотя он вполне может по суду утратить гражданскую личность. Он должен быть признан подлежащим наказанию до того, как возникнет сама мысль о том, что из этого наказания можно извлечь пользу для него самого или для его сограждан» [13, с. 363].

Соответственно, он переосмысливает принцип талиона, видя в нем не архаичное возмездие, а единственное рациональное основание для наказания, вытекающее из уважения к автономии личности. Философ понимал, что на-

казание, соразмерное преступлению, признает в преступнике морального субъекта, а не просто объект исправления или устрашения. Это выывает принцип талиона до уровня «чистой справедливости», основанной на уважении к человеческому достоинству, и одновременно восстанавливает моральное измерение юстиции, которое рискует быть утраченным в условиях инструментального подхода [14].

Логическим завершением этого поиска становится гегелевская концепция наказания, изложенная в «Философии права». По его убеждению, совершение противоправного деяния рассматривается не с позитивной стороны (наказание как отрицание), а в негативном ключе (наказание – это лишь отрицание отрицания). Действительное право призвано снять правонарушение, что и является основным показателем действенности и утверждением права себя как необходимого и опосредованного наличного бытия [9, с. 145–153, 282, 414].

Развивая кантовский тезис о преступнике как рациональном субъекте, Г. В. Ф. Гегель трактует кару не просто как внешнее возмездие или утилитарный инструмент, а как акт «снятия» (Aufhebung) самого преступления. В его системе противоправное деяние, представляя собой отрицание всеобщей воли, закрепленной в праве, несет внутреннюю противоречивость и, следовательно, собственную ничтожность. Наказание выступает «отрицанием отрицания»: оно не ограничивается причинением страдания, а публично аннулирует нарушение, восстанавливая объективную реальность и верховенство закона.

Отсюда следует, что ретирибтивный и утилитарный моменты сходятся. Кара справедлива, потому что соразмерена преступнику как разумному существу, подчиненному всеобщему закону; одновременно она приносит пользу, поскольку ее назначение заключается не в исправлении или устрашении, а в утверждении главенства разума и права над произвольной волей, что воспринимается как общее благо. Наказание тем самым предстает не внешним насилием, а имманентным результатом самого деяния, тем же «отрицанием отрицания», посредством которого возобновляется нарушенный правопорядок и подтверждается действительность права.

Ключевая идея Г. В. Ф. Гегеля заключается в том, что наказание – это право самого преступника. Применяя его, общество признает его рациональным субъектом: применяя ее, общество признает его рациональным и свободным

действием, чья воля порождает юридические последствия, оказывая ему своего рода честь, а не превращая его в объект манипуляции. В этом и заключается гегелевский синтез: архетипический принцип воздаяния (*jus talionis*) «снимается», превращаясь из акта мести в инструмент утверждения разумного правопорядка. Историческое развитие принципа талиона показывает не противоборство сторонников строгого возмездия и гуманистов, а многоступенчатый, взаимозависимый процесс, в ходе которого каждая новая теория стремилась снять противоречия предшествующих.

Следовательно, эволюция идеи наказания предстает не как линейная гуманизация, а как диалектический процесс, в котором каждый последующий этап не отменяет, а интегрирует и переосмысливает предыдущие, двигаясь к единству справедливости и пользы. Однако гегелевский идеализм столкнулся с критикой, которая показала разрыв между философией права и социальной практикой наказания.

М. Фуко в своей работе «Надзирать и наказывать» показал, что гуманизация наказания была не просто актом милосердия, а трансформацией технологии власти. Он проанализировал исторический переход от публичных казней – жестокого ритуала утверждения власти суверена над телом преступника – к новой системе тюремного заключения, целью которой стал тотальный контроль над его душой. Тюрьма, по мнению М. Фуко, – это «лаборатория» по производству «послушных тел», где гуманистическая риторика исправления скрывает за собой более тонкие и всепроникающие дисциплинарные механизмы. В итоге гуманизация обернулась не освобождением, а усилением контроля [22, с. 190, 197–201, 298–299].

Именно как ответ на кризис и карательной, и реабилитационной моделей в конце XX в. возникли новые подходы. Одной из наиболее влиятельных альтернатив стало восстановительное (реститутивное) правосудие, ключевым теоретиком которого является Х. Зер. Он предложил совершить парадигмальный сдвиг – «сменить линзы» при взгляде на преступление. По мнению исследователя, традиционная юстиция задает неверные вопросы: «Какой закон нарушен?», «Кто виновен?», «Какого наказания он заслуживает?». Такой подход превращает преступление в безличный акт против государства, а жертву вытесняет на периферию процесса. Восстановительный подход совершает переворот, смещая фокус с абстрактного закона на

конкретный вред, причиненный людям и сообществу. Он ставит в центр не государство, а жертву и задает принципиально иные вопросы: «Кому причинен вред?», «Каковы его потребности?» и «Чья обязанность – исправить причиненное зло?». Тем самым целью правосудия становится не возмездие, а исцеление социальных ран, восстановление отношений и реинтеграция как жертвы, так и правонарушителя в общество. Это знаменует собой еще один виток диалектики, где делается попытка преодолеть оппозицию «справедливость – польза» через новую категорию – «восстановление». В этой модели правонарушение – это, прежде всего, разрыв социальной ткани, «рана» в отношениях, а справедливость заключается не в возмездии, а в исцелении этой раны. То есть акцент переносится с пассивного принятия наказания правонарушителем на его активную ответственность по заглаживанию вреда. Центральными участниками процесса при этом становятся не только государство и правонарушитель, но в первую очередь жертва и затронутое сообщество, чьи потребности и участие являются ключом к подлинному восстановлению нарушенного баланса. Реститутивное правосудие предложило альтернативу традиционной каре, акцентируя внимание на восстановлении нарушенных отношений и заглаживании вреда [11].

Наряду с критическими и практическими подходами в XX в. была предпринята попытка дать новое теоретическое обоснование системе наказания в рамках либерально-демократического государства, основанное на тезисе Дж. Локка: «Несправедливость и преступление – одно и то же, независимо от того, совершены ли они венценосцем или мелким негодяем» [16, с. 355–356].

Ключевой фигурой здесь выступает Дж. Ролз, который в своей «Теории справедливости» выводит законность наказания не из идеи возмездия или пользы, а из его соответствия базовым принципам справедливого общества [21, с. 65, 215, 320, 323, 389].

Основанием для выдвинутой теории служит знаменитый мысленный эксперимент: гипотетический общественный договор, заключаемый в «исходной позиции» из-за «вуали неведения». Находясь за этой «вуалью», рациональные индивиды не знают своего будущего места в обществе. Именно поэтому они выберут такие принципы, которые защитят базовые свободы каждого и будут работать на благо наименее преуспевших. Ведь «никто не знает своего места

в обществе, своего классового положения или социального статуса. Никто не знает своей удачи в распределении естественных дарований и способностей, своих умственных способностей и силы... никто не знает своей концепции блага... специфических особенностей собственной психологии» [21, с. 127].

С этой точки зрения, уголовное право – это не инструмент мести, а институт, необходимый для защиты самой структуры честного социального сотрудничества. Его единственное оправдание – защита системы равных прав и свобод от тех, кто на них посягает. Отсюда следует, что критерием для любой формы наказания становится не ее жестокость или полезность, а ее соответствие той справедливой структуре, которую выбрал бы любой рациональный индивид из-за «вуали неведения». Дж. Ролз, таким образом, предлагает третий путь, преодолевая дилемму «воздаяние или польза» через идею процедурной справедливости [Там же, с. 61, 71, 80, 84–89, 115, 127, 178–182, 450, 472].

Ответом на кризис утилитарных и реабилитационных моделей стало возвращение к идее воздаяния в форме неоретибутивизма. Основоположник этого подхода А. Хирш подверг критике реабилитационные модели, указывая на их потенциальный произвол и несправедливость. Взамен он предложил концепцию «справедливого воздаяния» (just deserts). Согласно этому принципу, наказание – это не инструмент социальной инженерии, а морально заслуженный ответ общества, выражющий порицание преступному деянию. Однако, в отличие от архаичного талиона, это возмездие жестко ограничивается принципом пропорциональности: тяжесть наказания должна соответствовать исключительно серьезности нарушения, а не целям превенции или характеристикам личности. Именно этот фокус на соразмерности устанавливает гуманные рамки, защищая индивида от произвола и утверждая справедливость не как месть, а как меру.

На практике это привело к формированию современных гибридных правовых систем, где тюремное заключение (ретибутивизм) соседствует с программами реабилитации (утилитаризм) и практиками восстановительного правосудия. Однако эти системы представляют собой не столько гармоничный синтез, сколько эклектичное и внутренне противоречивое сочетание [23, р. 113–129].

Как мы видим, цель воздаяния (кара) зачастую вступает в прямой конфликт с целью реа-

билитации (помощь), а утилитарные соображения экономии и контроля могут выхолащивать как идею справедливого возмездия, так и гуманистический пафос восстановления. Таким образом, пройдя путь от ритуальной мести до сложнейших философских конструкций, диалектика наказания не приходит к окончательному разрешению. Она продолжается сегодня в постоянном напряжении между справедливостью как воздаянием, справедливостью как общественной пользой и справедливостью как восстановлением. Поиск их идеального баланса остается открытым вопросом для правовой мысли и социальной практики XXI в.

Заключение

Проведенный анализ позволяет утверждать, что история наказания представляет собой не линейный процесс гуманизации, а сложное противоборство трех фундаментальных принципов: справедливости как соразмерного воздаяния, целесообразности как общественной пользы и милосердия как стремления к исправлению. Эти идеи не сменяли друг друга в хронологической последовательности, но наслаждались, вступая в конфликт и порождая гибридные, внутренне противоречивые формы правосудия.

Современная пенитенциарная система является материальным воплощением этого незавершенного спора, в которой карательный импульс возмездия сочетается с утилитарным расчетом и попыткой реабилитации. Следовательно, перспективы развития института наказания связаны не с поиском единственно верной, утопической модели, а с осознанным управлением этими имманентно присущими ему противоречиями. В конечном счете этот диалектический конфликт отражает фундаментальные антиномии в самом представлении человека о справедливости, порядке и собственной природе.

Наказание, будучи общетеоретической категорией, требует комплексного философского осмысливания и обоснования с точки зрения феноменологии права через диалектические коннотации правопонимания. Дальнейшие исследования этого явления в правовой науке разумно ориентировать на учет межотраслевой природы наказания в ее единстве и противоречии с близкими категориями внутри частной теории государственного принуждения и юридической ответственности.

55

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Августин А. Об обучении оглашаемых // Православный портал «Азбука веры». URL: <https://pravobraz.ru/blazhennyj-avgustin-ob-obuchenii-oglashayemykh/> (дата обращения: 15.10.2025).
2. Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т. 4 / ред. и авт. вступ. ст. А. И. Доватур, Ф. Х. Кессиди. М. : Мысль, 1983. 830 с.
3. Бандуровский К. В. Бессмертие души в философии Фомы Аквинского. М. : РГГУ, 2011. 328 с.
4. Беккария Ч. О преступлениях и наказания / сост. и предисл. В.С. Овчинского. М. : ИНФРА-М, 2026. 183 с.
5. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М. : Россизн, 1998. 415 с.
6. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования : пер. с англ. 2-е изд. М. : Изд-во МГУ : Инфра-М – Норма, 1998. 624 с.
7. Большунова Н. Я. Прощение как социокультурное явление // Развитие человека в современном мире : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Новосибирск, 14–15 апр. 2015 г. В 2 ч. Ч. 1 / под ред. Н. Я. Большуновой, О. А. Шамшиковой. Новосибирск : НГПУ, 2015. С. 160–168.
8. Вайднер Д. О риторике секуляризации // Новое литературное обозрение. 2007. № 5. С. 26–60.
9. Гегель Г. Ф. Философия права : пер. с нем. / ред. и сост. Д. А. Керимов и В. С. Нерсесянц. М. : Мысль, 1990. 524 с.
10. Гурвич Г. Д. Философия и социология права: Избранные сочинения / пер. М. В. Антонова. СПб. : Изд-во юрид. фак. СПбГУ, 2004. 848 с.
11. Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание / под общ. ред. Л. М. Карнозовой. М. : Центр «Судебно-правовая реформа», 2002. 328 с.
12. История политических и правовых учений : учебник / под ред. О. Э. Лейста. М. : Зерцало, 2006. 568 с.
13. Кант И. Метафизика нравов. Ч. 1. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 5 / под ред. Б. Тушлинга, Н. Мотрошиловой. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. 1120 с.
14. Кант И. Основы метафизики нравственности; Критика практического разума; Метафизика нравов. Изд. 3-е, стер. СПб. : Наука, 2007. 528 с.
15. Кондратьева А. Н. Соотношение понятий «Грех» и «Преступление» в средневековом каноническом праве западной Европы // Вестник Костромского государственного университета. 2014. № 6. С. 208–211.
16. Локк Дж. Сочинения. В 3 т. Т. 3. Два трактата о правлении. М. : Мысль, 1988. 668 с.
17. Мамардашвили М. К. Кантианские вариации. М. : Аграф, 1997. 320 с.
18. Платон. Законы // Электронная библиотека «Гражданское общество в России». URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Platon_Lows.pdf (дата обращения: 15.10.2025).
19. Против ошибок греков / коммент. пер. с лат. И. Бея. Киев : Кайрос, 2017. 190 с.
20. Родников Н. П. Учение Блаженного Августина о принуждении в деле веры // Православный портал «Азбука веры». URL: https://azbyka.ru/otekhnika/Avrelij_Avgustin/uchenie-blazhennogo-avgustina-o-prinuzhdenii-v-dele-veri/ (дата обращения: 15.10.2025).
21. Ролз Дж. Теория справедливости : пер. с англ. / науч. ред. и предисл. В. В. Целищева. Изд. 2-е. М. : Изд-во ЛКИ, 2010. 536 с.
22. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова ; под ред. И. Борисовой. М. : Ad Marginem, 1999. 480 с.
23. Hirsch A. von. Censure and Sanctions. Oxford University Press, 1993. 113 p.
- REFERENCES**
1. Avgustin A. Ob obuchenii oglashayemykh [On Catechumens' Instruction]. Orthodox portal "Azbuka very". Available at: <https://pravobraz.ru/blazhennyj-avgustin-ob-obuchenii-oglashayemykh/> (accessed: 15.10.2025). (in Russian)
2. Aristotel. Sochineniya [Works]. In 4 vols. Vol. 4. Moscow, Mysl Publ., 1983. 830 p. (in Russian)
3. Bandurovskii K.V. Bessmertie dushi v filosofii Fomy Akvinskogo [The Immortality of the Soul in the Philosophy of Thomas Aquinas]. Moscow, RGGU Publ., 2011, 328 p. (in Russian)
4. Beccaria Ch. O prestupleniyakh i nakazaniyakh [On Crimes and Punishments]. Comp. and introd. by V.S. Ovchinskii. Moscow, INFRA-M Publ., 2026, 183 p. (in Russian)
5. Bentham I. Vvedenie v osnovaniya nравственности i zakonodatelstva [Introduction to the Principles of Morals and Legislation]. Moscow, Rossppen Publ., 1998, 415 p. (in Russian)
6. Berman G. Dzh. Zapadnaya traditsiya prava: epokha formirovaniya [Western Tradition of Law: The Era of Formation]. 2nd ed. Moscow, Moscow University Publ., Infra-M – Norma Publ., 1998, 624 p. (in Russian)
7. Bol'shunova N.Ya. Proshchenie kak sotsiokulturnoe yavlenie [Forgiveness as a Sociocultural Phenomenon]. Razvitiye cheloveka v sovremennom mire [Human Development in the Modern World]. Proceedings of the VI All-Russian Sci.-Pract. Conf. with Intern. Participation, Novosibirsk, April 14–15, 2015, in 2 vols., vol. I. Eds. N.Ya. Bolshunova, O.A. Shamshikova. Novosibirsk, NGPU Publ., 2015, pp. 160–168. (in Russian)
8. Vaidner D. O ritorike sekulyarizatsii [On the Rhetoric of Secularization]. Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review], 2007, no. 5, pp. 26–60. (in Russian)
9. Hegel G.V.F. Filosofiya prava [Philosophy of Right]. Transk. from German. Ed. and comp. by D.A. Kerimov and V.S. Nersesyan. Moscow, Mysl Publ., 1990. 524 p. (in Russian)
10. Gurvich G.D. Filosofiya i sotsiologiya prava: Izbrannye sochineniya [Philosophy and Sociology of Law: Selected Works]. Transk. by M.V. Antonov, St. Petersburg, Law Faculty of St. Petersburg St. Univ. Publ., 2004, 848 p. (in Russian)
11. Zer Kh. Vosstanovitelnoe pravosudie: novyi vzgliad na prestuplenie i nakazanie [Restorative Justice: A New Look at Crime and Punishment]. Ed. by L.M. Karnozova. Moscow, Sudebno-pravovaya reforma Publ., 2002, 328 p. (in Russian)
12. Istorya politicheskikh i pravovykh uchenii: uchebnik [History of Political and Legal Doctrines: Textbook]. Ed. by O. E. Leista. Moscow: Izdatel'stvo "Zertsalo", 2006. 568 p. (in Russian)
13. Kant I. Metafizika nравов. Ch. 1. Sochineniya na nemetskom i russkom yazykakh. T. 5 [Metaphysics of Morals. Part 1. Works in German and Russian. Vol. 5]. Ed. by B. Tushling, N. Motroshilova. Moscow, Kanon+ Publ., 2014, 1120 p. (in Russian)
14. Kant I. Osnovy metafiziki nравственности; Kritika prakticheskogo razuma; Metafizika nравов [Groundwork of the Metaphysics of Morals; Critique of Practical Reason; Metaphysics of Morals]. 3rd ed., revised. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007, 528 p. (in Russian)
15. Kondrat'eva A.N. Sootnoshenie ponyatiy "Grekh" i "Prestuplenie" v srednevekovom kanonicheskem prave zapadnoi Evropy [Correlation of the Concepts "Sin" and "Crime" in Medieval Canon Law of Western Europe]. Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kostroma State University], 2014, no. 6, pp. 208–211. (in Russian)
16. Lokk Dzh. Sochineniya. V 3 t. T. 3. Dva traktata o pravlenii [Works. In 3 vols. Vol. 3. Two Treatises of Government]. Moscow, Mysl Publ., 1988, 668 p. (in Russian)
17. Mamardashvili M.K. Kantianskie variatsii [Kantian Variations]. Moscow, Agraf Publ., 1997, 320 p. (in Russian)
18. Platon. Zakony [Laws]. Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii. Available at: https://www.civisbook.ru/files/File/Platon_Lows.pdf (accessed: 15.10.2025). (in Russian)
19. Protiv oshibok grekov [Against the Errors of the Greeks]. Comment. and transl. from Latin by I. Bey. Kyiv, Kairos Publ., 2017, 190 p. (in Russian)
20. Rodnikov N.P. Uchenie Blazhennogo Avgustina o prinuzhdenii v dele very [The Teaching of Blessed Augustine on Coercion in Matters of Faith]. Orthodox portal "Azbuka very". Available at: https://azbyka.ru/otekhnika/Avrelij_Avgustin/uchenie-blazhennogo-avgustina-o-prinuzhdenii-v-dele-veri/ (accessed: 15.10.2025). (in Russian)

go-avgustina-o-prinuzhdenii-v-dele-very/ (accessed: 15.10.2025).
(in Russian)

21. Rolz Dzh. *Teoriya spravedlivosti* [Theory of Justice]. Sci. ed. and preface by V.V. Tselishchev. 2nd ed. Moscow, LKI Publ. House, 2010, 536 p. (in Russian)

22. Fuko M. *Nadzirat i nakazyvat. Rozhdenie tyurmy* [Discipline and Punish. The Birth of the Prison]. Transl. from French by V. Naumov, ed. by I. Borisova. Moscow, Marginem Publ., 1999, 480 p. (in Russian)

23. Hirsch A. von. *Censure and Sanctions*. Oxford University Press, 1993, 113 p.

Статья поступила в редакцию 08.08.2025; одобрена после рецензирования 01.10.2025; принята к публикации 19.11.2025

Received on 08.08.2025; approved on 01.10.2025; accepted for publication on 19.11.2025

Альбов Алексей Павлович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, Российской государственная академия интеллектуальной собственности (Россия, 117279, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 55а), ORCID: 0000-0003-1716-0177, Scopus Author ID: 57211423850, Web of Science: ADH-8736-2022, РИНЦ Author ID: 36621376, e-mail: aap62@yandex.ru

Albov Alexey Pavlovich – Doctor of Juridical Science, Professor, Professor of the Department of Civil and Business Law, Russian State Academy of Intellectual Property (55a, Miklukha-Maklaya st., Moscow, 117279, Russian Federation), ORCID: 0000-0003-1716-0177, Scopus Author ID: 57211423850, Web of Science: ADH-8736-2022, Author ID: 36621376, e-mail: aap62@yandex.ru